

— ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА —

ОН ВЕРИТ в себя и знает о жизни такое, что может исправить мир и сделать иными людей. Его сердце стучит созвучно времени и просит оставить на белом листе след. Пока силы позволяют держать заветное перо, он будет работать неистово, будет нетерпеливо ждать верстки новой книги, каждый раз волнуясь и проверяя себя, вступая не в разговор, а в битву за собственные убеждения. И через год, и через двадцать лет он останется перед вечностью учеником. Имя ему — писатель.

Я сижу в квартире Федора Васильевича Гладкова в Лаврушинском переулке. На большом круглом столе рассыпались, как листки календаря, фотографии, запечатлевшие большую жизнь большого писателя. Я смотрю на эти, давно канувшие в небытие, мгновения, бережно хранящие облик человека, чей возраст с завтрашнего дня можно будет исчислять столетиями, слушаю рассказы его сына — Бориса Федоровича и, кажется, начинаю понимать величие человеческой жизни, способной не исчезнуть, не раствориться, а,

ной привязанности. Федор. 7 февраля 1908 г., с. Манзурка. Из ссылки».

Он проснулся однажды ночью от преследующего, давящего, измощающего сна: по бескрайнему алому маковому полю идет, настойчиво маня руками, увлекая за собой, мать. Он бежит навстречу зову, но никак не может догнать. Она опять зовет, и он вновь бежит, спотыкаясь... Пробуждение было ужасным, тревога входила в душу, уверенно, как хозяйка. Федор решает, предчувствуя беду, тайно покинув ссылку, поехать в Забайкалье, где в это время жили его родители. Три дня отнимает путь: пароходом, на лошади, пешком по бездорожью. Вопреки коварному сну, он хотел успеть. Несмотря на отчаянную спешку, он опоздал. Отца и мать, зверски растерзанных бандитами, похоронили за день до его приезда...

Когда связь с родными безвозвратно потеряна и человек вдруг отчетливо понимает, что предоставлен только себе, когда грядут перемены, когда вопросы встают со всех сторон,

СОЗВУЧНО ВРЕМЕНИ

отдавая времени на вечное пользование свои мысли и чувства, получить возможность быть услышанной.

На твердой картонной фотографии молодой человек в тяжелом зимнем тулупе и высокой круглой шапке, руки — в карманах, лицо с бородой и усами, в глазах — скрытая боль. Что тревожит этого юношу, почему его взгляд так холодно отчужден? Не верится, что только по воле усердного фотографа, определившего клиенту позу и направление взгляда. И действительно, сохранившаяся на обратной стороне снимка надпись свидетельствует: «Мойм славным, дорогим и единственным — тете и Михаилу Григорьевичу — в знак горячей любви и душев-

жизни, славы, успехов. Молодой человек, так смело смотревший в объектив аппарата, твердо уверенный в правильности своего выбора, превратился в мудрого философа. Глаза прищурились, то ли от солнца, то ли от мыслей. Случайно попавшие в кадр прохожие могли бы сказать про него: известный писатель! А сам мог он вдруг неожиданно заявить, что писать так и не научился. Уже написал «Цемент», только что издан еще один большой роман — «Энергия», сборник «Маленькая трилогия», рассказы, очерки, статьи, но он продолжает поиск, поиск новых характеров, созвучных душе сюжетов, слов. Он впитывает в себя эпоху, ритм ее трудовых будней, радости долгожданных праздников, выпущенная книга, очерк, статью только тогда, когда измучен неистребимым желанием высказаться.

...Шаг, еще шаг — из третьего десятилетия двадцатого века в сопровождении внушительных побед, грандиозных планов на будущее, неторопливо и размеренно идет Федор Васильевич Гладков. Рядом — жена,

обступая плотным кольцом, появляется откуда-то почти детское, отчаянное желание на кого-нибудь опереться. И перо на фотографии, специально заказанной для этого случая, скорбно выводит «...единственным...»

От 1908-го год 1913-й отделе пятью годами. Кончилась ссылка, время изоляции и одиночества. Гладков женился, переехал в Новороссийск, опубликовал повесть «Изгон», совмещает преподавательскую работу с революционной. Его облик этого времени несколько романтический. Широкий морской плащ с большим кашпоном, шляпа с полями.

Фотографы любят эффектные снимки: писатель за роялем. «Нет, говорит Борис Федорович, — отец на рояле плохо играл. Но любил разбирать ноты. Вообще музыку очень любил».

КАК ЖЕ изменился этот человек, меряющий шагами набережную Ялты, двадцать пять лет спустя! Он посредине

Старый семейный альбом с аккуратненьким замочком, многочисленные папки с фотографиями, побледневшие негативы, лежащие в верхнем ящике стола писателя, хранят много историй и легенд. Вот пожелтевший, довоенный снимок на даче в Хлебникове и голос Бориса Федоровича: «Этого луга, на котором мы сидим, уже давно нет, — там теперь плещет водохранилище... И этой огромной красавицы сосны тоже — засохла, ее и «спилили». А вот тома с одной фамилией на корешках — «Гладков», занимающие не один книжный шкаф. Переведенные на десятки языков, они живут, вновь и вновь перепеваются...

О. СМЕРНОВА.

Москва.

